

ВЛАСТЬ В ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОНЯТИЙ

М. И. ПАНТЫКИНА*

Пантыкина Марина Ивановна,
доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры
истории и философии
Тольяттинского
государственного университета

В статье доказывается, что пространство власти не ограничивается плоскостью «государство — право — власть — объект подчинения (или контроля)». Оно включает в себя элементы, которые ранее не учитывались классическими теориями власти (ценности, убеждения, дисциплину, знание, игру и т. д.). Влияние власти на правовую жизнь рассматривается в двух измерениях — смысловом и телесном. Если смысловое измерение определяет направленность восприятия власти в правовой жизни и задает его содержание, то телесное измерение отвечает за ее «физическую» или символическую явленность. Смысловое измерение позволяет отказаться от представлений о власти как объективном явлении в пользу признания ее объективированности, производности от процесса конституирования социально значимых смыслов. На уровне «тела» непосредственно проявляется контролирующая функция власти в отношении правовой жизни. В частности, ее влияние реализуется в правомочии определять местоположение субъекта

права в пространстве и времени, фиксировать социальные позиции и структурировать их посредством символических систем. Делается вывод о том, что в современном обществе правовая жизнь становится все более аутопойетичной, а ее государственное регулирование осуществляется через практически нерелексированные каналы: телесные и коммуникативные практики, язык и символические системы, а в последнее время и через информационные технологии. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** феноменология права, правовая жизнь, власть, биовласть, символическая власть, государство, телесность, субъект права.

PANTYKINA M. I. POWER IN THE LEGAL LIFE: A PHENOMENOLOGICAL EXPERIENCE OF OVERCOMING THE SEMANTIC UNCERTAINTY OF CONCEPTS

The article proves that power is not limited to the level “state — law — power — object of subordination (or control)”. It includes elements that have not been

* Pantykina Marina Ivanovna — PhD, associate professor, professor of the department of history and philosophy of the Togliatti State University.

© М. И. Пантыкина, 2013
E-mail: pantikina@tlttsu.ru

previously taken into account by classical theories of power (values, beliefs, discipline, knowledge, game, etc.). The influence of power on legal life is considered in two dimensions: the semantic and the physical. While the semantic dimension determines the direction of the perception of power in legal life and determines its content, the physical dimension is responsible for its 'physical' or symbolic phenomenon. The semantic dimension enables one to abstain from the conceptions of power as an objective phenomenon in favour of recognition of its objectification, derivation from the constitution of socially important meanings. At the 'body' level, the controlling function of power regarding legal life directly manifests itself. In particular, its influence is implemented in the power to determine a right holder's location in space and time, to fix social positions and to structure them by means of symbolic systems. The author concludes that in a modern society the legal life becomes more autopoietic, and its state regulation is carried out through nearly non-reflexive channels: physical and communicative practices, language and symbolic systems, and recently through the usage of information technologies.

KEYWORDS: phenomenology of law, legal life, power, biopower, symbolic power, state, physicality, right holder.

Предмет предлагаемого исследования — «власть в правовой жизни» — представляет собой «слепое пятно», прояснение которого потребует преодоления ряда теоретико-методологических трудностей. Прежде всего, придется исходить из того, что в неклассическом и постнеклассическом общественном знании понятие власти утратило привычные семантические границы, а понятие правовой жизни пока еще не обрело определенного научного статуса. Основная же сложность исследования обусловлена обострением противоречий правовой жизни и, как следствие, изменением традиционных представлений об эффективности власти и позитивности тенденций ее развития. Так, если в 1980–90-е гг. были весьма убедительны доводы М. Фуко относительно того, что либерализация является главной тенденцией развития правовой, дисциплинарной власти и практик безопасности, что очевиден переход от императивного предписания и превентивного упреждения к принципу предоставления возможности действия (*laisser-faire*),¹ то современная общемировая практика социального управления решительно опровергает любые оптимистические прогнозы разрешения напряженности в отношении «власть — общество».

Для преодоления указанных выше трудностей предстоит установить новые формы проявления власти в правовой жизни в контексте непредвзятого их видения, что, очевидно, предполагает выбор надлежащего методологического инструментария. В данной познавательной ситуации представляется правильным использовать феноменологическую методологию. Ее применение ставит запрет на разного рода редуцированные абстракции, такие как опредмечивание субъективности в виде «практических последствий» (как в прагматизме), «иррационального потока бытия» или «образов культуры» (философия жизни), «практической деятельности» (как в марксизме), «индивидуального или коллективного бессознательного»

¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 68.

(как в психоанализе).² Кроме того, именно феноменология позволяет выявить способы конституирования власти в правовой жизни: от простейших их фиксаций в пространстве и времени до исследования смыслообразования феноменов власти и права, от первичной рефлексии до размышлений о ценностных основах правовой культуры.

Важнейшее значение феноменологии как методологии состоит в том, что она выполняет функцию интеллектуальной критики. Присущий феноменологии интенциональный анализ и связанная с ним феноменологическая редукция образуют тот методологический фундамент, который помогает изменить установку сознания, устраняет из него спорные предпосылки повседневности и научности, открывает путь к чистым самоочевидным феноменам — данностям сознания. Цель феноменологической критики — получение изначальной формы опыта сознания, а ожидаемый результат — обнаружение смысла предмета, который не привносится, а раскрывает, показывает себя в процессе «возгонки» рефлексивности.

Итак, феноменологическое исследование власти в правовой жизни предполагает:

1) отказ от установки на предметную локализованность полученных результатов;

2) отказ от установки на то, что полученные выводы предопределяются заданной проблемой и устоявшимися интерпретациями фактов.

Основываясь на феноменологической установке о том, что заранее ничего не известно, надлежит прежде всего уточнить смысловые границы предмета исследования — «власть в правовой жизни». С этой целью выясним, что такое правовая жизнь и может ли она существовать сама по себе, т. е. без воздействия силовых линий власти. Существенно облегчает достижение поставленной цели то, что в научной литературе до сих пор не сложилось однозначного мнения относительно содержательной значимости и функциональности понятия правовой жизни. Так, Н. И. Матузов определяет с помощью понятия правовой жизни специфическую область человеческого общения, наряду с другими сферами — экономической, культурной, религиозной, творческой, спортивной и т. д.³ Однако он не склонен считать понятие правовой жизни научным: «Это, скорее, рабочее, обиходное выражение, фраза из разговорной речи. Во всяком случае, действующее законодательство и правовая практика такого термина не знают».⁴ По мнению Н. И. Матузова, данное понятие выполняет преимущественно оценочную функцию. Такие слагаемые правовой жизни, как уважение к закону, прочность общепринятых традиций и привычек, независимое и справедливое правосудие, полноценное и эффективное законодательство, определяются как положительные и необходимые показатели права. И, наоборот, беззаконие и произвол чиновников, тотальный правовой нигилизм, разгул преступности, юридическая безграмотность оцениваются как свидетельства недостаточной его развитости.⁵

Анализируя понимание Н. И. Матузовым понятия «правовая жизнь», следует согласиться, что оно не является юридической категорией и показывает на необходимость закрепления за понятием правовой жизни

² Молчанов В. И. Субъективность и разум: Гуссерль, Гегель, Кант // Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. Сб. статей / отв. ред. В. И. Молчанов. М., 1998. С. 81.

³ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 112.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 116.

статуса концепта. В отличие от научного понятия это позволяет охватить не только логически релевантные формы правового мышления, но и предрасудочные формы в виде воображения, интуиции, представлений, показать антиномичность правовой жизни. В результате может быть представлено предварительное определение концепта правовой жизни как способа человеческого сосуществования, основанного на обыденных представлениях о социальном порядке, актуальном содержании правовых норм и ценностей.

Необходимость разработки концепта правовой жизни обусловлена тем, что за понятиями «право», «правовая реальность», «правовые отношения», традиционно используемыми в теории и практике права, уже закрепился набор определенных значений. Очевидно, что наряду с теориями и терминами правопонимания существует право как таковое, т. е. совокупность всех правовых явлений и процессов. Их смыслы сосредоточены в обыденных представлениях о социальном порядке, определяют содержание социального бытия и типичных коммуникаций. Концепт правовой жизни предполагает расширение границ правопонимания за счет включения в него табуированных классическим правоведением неправовых явлений, конкретизации связи права с другими формами регуляции общественной жизни (религией, моралью, идеологией).

Для конкретизации содержания концепта правовой жизни необходимо погрузиться в допредикативную, т. е. не формализованную наукой данность жизненного мира, а затем совершить восхождение к горизонту права с постепенным выделением соответствующих ему онтологических форм и структур. Бесценный опыт реализации данной феноменологической установки представлен в работе В. Майхофера «Право и бытие». Несмотря на то что В. Майхофер не ставит задачу введения новой терминологии, по мере развертывания логики рассуждений контекстуальные значения используемых им понятий начинают явно диссонировать с традиционными денотатами. В частности, с одной стороны, В. Майхофер вслед за М. Хайдеггером и К. Ясперсом соглашается с идеей неподлинности права как мира нехватки и «заброшенности в *Das Man*», а с другой — он настойчиво ищет утраченную подлинность права и обнаруживает ее в социальной подлинности. Переход от неподлинности права к социальной подлинности отражается в следующем умозаключении: «Впервые как “политис”, в своем социальном “Со-мире” человек существует в праве, он имеет возможность осмысления, как и упущения собственного бытия, потому что упущение права и подлинности есть здесь одно. Лишь как “политис”, и тем самым “человек в праве”, он есть “подлинный” человек». ⁶ По мнению В. Майхофера, подлинность права определяется рядом смысловых измерений. ⁷ Во-первых, Правовое есть «бытие-с-Другими», вследствие того что «в право человек вступает также как тот, кем он экзистентно становится со своим отношением в мире Других». ⁸ Во-вторых, Правовое есть «бытие как», которое обнаруживается в повседневном взаимном исполнении

⁶ Майхофер В. Право и бытие // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 199.

⁷ Смысловые измерения — это интенциональные импликации (терминология Э. Гуссерля), определяющие модусы конституирования права, возможные направления его феноменологического познания. В своей совокупности смысловые измерения задают контекст феноменологической интерпретации права, целью которой является собственно понимание того, какие образы права укоренены в структурах сознания.

⁸ Там же. С. 250.

соответствующих ролей, конституирующем мир права как целостность «господствующих» и «товарищеских» элементов. В-третьих, Правовое существует только «Здесь и Сейчас», так как покоится в «природе вещей». Именно на актуальное Правовое «нацелена подлинная “теория права”, которая не спрашивает, как голая “догматика”, о законном, но действительном праве, предопределенном посредством “структуры логики вещей” самой правовой материи».⁹ Таким образом, В. Майхофер описывает право как действительность, имманентную сознанию и покоящуюся на логических и идеологических основаниях. Оно порождается природой вещей и поэтому непосредственно не связано с государственной властью. Кроме того, полученные В. Майхофером результаты феноменологического исследования Правового позволяют утверждать, что целесообразно вынести за скобки сложившийся тезаурус правоведения и попытаться создать новый, лишенный вневременной устойчивости и предполагающий постоянную корректировку правопонимания. Именно такому требованию и отвечает введение концепта «правовая жизнь».

Подчеркнем, что не только феноменологическая методология, но и учение о жизненном мире Э. Гуссерля обладает большим потенциалом в развитии концепта правовой жизни, поскольку возвращает науку о праве к ее основаниям и позволяет обнаружить право как постоянно отодвигающийся «горизонт» актуального освоения мира в целом. Можно предположить, что смысловые измерения содержания концепта «правовая жизнь» совместимы со смысловыми характеристиками жизненного мира, заданными учением о жизненном мире Э. Гуссерля. Данный подход к трактовке исследуемого концепта дает возможность конкретизировать его содержание за счет следующих смысловых измерений:

- правовая жизнь — это действительный мир права;
- правовая жизнь — это утраченный фундамент наук о праве;
- правовая жизнь всегда предпослана научному и практическому освоению права;
- правовая жизнь — это пространство очевидных утверждений о праве;
- правовая жизнь — это актуальное право.¹⁰

Итак, в философско-феноменологическом аспекте правовая жизнь предстает как форма смысловой содержательности права, предшествующая теоретическим утверждениям о нем. Правовая жизнь образована исходными данностями правосознания, которые выражаются в виде допустных и очевидных представлений о границах правового порядка.

На следующем этапе исследования надлежит определиться с содержанием понятия «власть» и выявить различные (как классические, так и неклассические) модели влияния власти на правовую жизнь. В частности, анализ теоретических концепций власти позволяет выделить по крайней мере три типа ее трактовок.

Первый подход к определению власти сложился в рамках классической политологии и предполагает, что власть фиксирует каузальное отношение между субъектом и объектом власти. Это отношение инициируется человеческими действиями, направленными на подчинение или сохранение господства субъекта над объектом. Наличие диспозиции между

⁹ Там же. С. 255.

¹⁰ См. подробнее: *Пантыкина М. И.* Концепт «правовая жизнь»: опыт философско-феноменологической интерпретации // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки.* 2009. № 3 (69). С. 23–28.

субъектом и объектом обуславливает репрессивность власти, превращает ее в источник социального отчуждения. Поэтому власть, по мнению сторонников каузального подхода (Т. Гоббса, М. Вебера, Н. М. Коркунова, Х. Лассуэлла, Р. Даля, Э. Гидденса и др.), существует «над человеком» и предполагает наличие аппарата принуждения. Подчеркнем, что данной концепции власти соответствует классическая модель взаимодействия власти и права, в рамках которой государственная власть определяется как источник права, а право — как возведенная в закон воля государственной власти. Тавтологичность, семантическая размытость границ понятий власти и права, неясность реальных условий их взаимодействия в данном случае очевидны. Что касается концепта правовой жизни, то сторонниками классического подхода он используется в качестве лексического средства выделения социального аспекта исследования права.

Второй подход к определению власти — коммуникативный. Его сторонники (Т. Парсонс, Х. Арендт, Ю. Хабермас и др.) настаивают на исследовании «тонких», скрытых механизмов власти, развитие которых прямо пропорционально процессу рационализации жизненного мира. В частности, с точки зрения Т. Парсонса, власть изначально не предполагает ни конфронтацию политических сил, ни насилие. Это связано с тем, что она является внутренним свойством, ресурсом системы, призванным обеспечивать ее устойчивое функционирование. Власть — это «генерализованная способность обеспечивать выполнение элементами системы своих обязанностей, которая легитимизируется тем, что направлена на достижение коллективных целей и предполагает в случае неповиновения применение негативных санкций».¹¹ Другими словами, власть не ограничена выполнением функции воздействия на определенный объект, а реализует «задачи» системы в отношении широкого спектра проблем и сигнализирует членам общества о своей авторитетности, т. е. о безусловном праве лидеров на ожидание поддержки.

Дальнейшее развитие и онтологическое обоснование идей Т. Парсонса дается в работах его последователей Х. Арендт и Ю. Хабермаса. Так, в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса указывается на источник бесконфликтности власти — коммуникативный разум. Последний в отличие от инструментального разума не подчиняется закону самосохранения и встроен в языковой репродукционный механизм рода.¹² Это означает, что, подобно другим социальным практикам, власть рождается в коммуникации. Несмотря на то что коммуникативны по происхождению все виды власти, они различаются между собой степенью легитимности. Так, если коммуникативная власть, формируемая в обсуждениях политической общественности, всегда легитимна и свободна от репрессий, то другой вид власти — административно применяемая власть — обеспечивает функционирование и управление политической системой, и поэтому не всегда лояльна по отношению к общественности и ее мнениям.

Как видим, коммуникативной концепции соответствует неклассическая модель взаимодействия власти и правовой жизни, в рамках которой коммуникативная власть влияет на явления правовой жизни посредством деятельности политических ассоциаций, культивирующих ценность коммуникативного разума. Представители данной концепции выводят власть за

¹¹ *Parsons T. Power and the Social System // Power / ed. by S. Lukes. Oxford, 1986. P. 103.*

¹² *Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 4. С. 62.*

пределы государственного управления. Однако, сосредоточившись прежде всего на разработке параметров идеальной власти, они не отвечают на вопрос об их релевантности реальным формам правовой жизни.

Наиболее продуктивной, с нашей точки зрения, является третья концепция, аккумулирующая «несистемные» проявления власти. Для представителей этой концепции (М. Фуко, С. Льюкс, А. Кожев, Н. Луман, П. Бурдьё и др.) характерны утверждения, согласно которым в современном обществе власть проявляется одновременно в нескольких измерениях. Так, М. Фуко писал: «Под “властью”, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конструктивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и конфигурирует; понимать опоры, которые эти силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система».¹³ Действительно, власть обнаруживается все чаще в тех сферах правовой жизни, которые ранее считались пространством частной жизни и практически не регламентировались законом, например, в решении вопросов личной безопасности, потребности человека в развитии своих способностей, его рождении или смерти. В этих сферах власть проявляется не в линейном подчинении субъекта *A* субъекту *B*, а в процессе структурирования возможного поля их совместной деятельности, поддержания условий их совместного существования.

В случае признания правомерности такой трактовки власти оказывается, что тотальность власти, кроме субъекта влияния и объекта подчинения, поддерживается силами и механизмами, обеспечивающими уникальность их взаимодействия. Как писал М. Фуко, эти силы и механизмы и есть, собственно, власть, «ибо власть для нас как раз не субстанция, не флюид, не нечто проистекающее отсюда или оттуда, но всего лишь совокупность механизмов и процедур, основная роль (функция и задача) которых — пусть они и не всегда с ней справляются — заключается не в чем ином, как в обеспечении власти».¹⁴

Следует заметить, что в произведениях М. Фуко представлена целая «коллекция» несистемных или даже маргинальных проявлений власти (прежде всего власти государства) в правовой жизни. В частности, в работе «Воля к знанию» Фуко доказывает, что современная власть настолько изощренная, что не обнаруживается в непосредственном насилии и его угрозе. Она мимикрирует и проявляется в виде «власти-знания», «власти-дисциплины», «биовласти», которые в своем единстве образуют систему управления обществом. Власть-знание направлена на изучение потребностей и ресурсов человека с целью оптимизации его дисциплинирования и эксплуатации. Власть как дисциплина реализуется через систему техник контроля за телом, через правила его разумного размещения в пространстве и времени. Дисциплинарная власть проникает в физику человеческого тела и благодаря инвестициям власти в знания становится биовластью. Следствием таких инвестиций является возникновение института экспертизы в медицине, психологии, педагогике, гигиене и т. д. Цель их функционирования — это тестирование человеческого тела и его нормализация. М. Фуко, отстаивая возможность бесконфликтного влияния

¹³ Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 192.

¹⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 14.

власти на правовую жизнь, утверждал, что власть не только давит на нас как сила, говорящая «нет», но она производит вещи, приносит удовольствие, дает знание, формирует дискурс.¹⁵

Метаморфозы, происходящие с властью, разнообразие форм ее проявления позволили М. Фуко говорить о наличии еще одного «лица власти» — «игры». В работах философа отчетливо прослеживается мысль о том, что главной характеристикой власти-игры является то, что она не имеет никакой цели, кроме самой себя, и никаких правил, кроме тех, которые установлены в самой игре. Для М. Фуко это означает, что власть, понимаемая как игра, является не целерациональной деятельностью сознательных субъектов, а ситуацией, в которую каждый человек оказывается изначально заброшенным в силу собственной онтологической природы, которая характеризуется «свободой». Таким образом, власть нельзя редуцировать к сознательному расчету, поскольку она является неизменной характеристикой онтологической ситуации человека.¹⁶

Другим проявлением «ситуации человека» в правовой жизни является его личностная свобода. Это, по мнению Э. Левинаса, предполагает наличие еще одного «лица» власти — Самотождественного. Субъект, идентичный самому себе, — это современный образ трансцендентного субъекта, вменившего себе в обязанность понимать, что классическая западноевропейская онтология спроецировала на власть образ вертикальной иерархии мироздания и общества. Поскольку этот образ «разоблачил» себя тем, что стал идеологическим оправданием тираний и диктатур, Самотождественный становится онтической «инстанцией», которая демифологизирует любую власть, показывает ее производность от мыслительной деятельности человека и конкретных условий. Вне заранее оговоренных условий, как убеждает Э. Левинас, власти нет, а есть только изначальная готовность признать Другого в качестве Лица и мужество воспользоваться возможностями.¹⁷ Из сложных и неоднозначных онтологических построений Э. Левинаса напрашивается вывод о том, что власть действительно не имеет пространственных ограничений и жесткой структуры. Метафорически она может быть определена как «слепое пятно», из энергии которого порождаются механизмы и силы, постфактум называемые властью. И хотя Э. Левинас непосредственно не обращается к правовым аспектам власти, очевидно, что сосредоточением их возможного исследования являлась бы экзистенциальная трактовка правового субъекта. В частности, его способность к респонсивности могла бы стать ключевым элементом неклассической модели взаимодействия власти и правовой жизни.

Подчеркнем, что «несистемные» проявления власти в правовой жизни, например в принятии повседневных решений, далеко не всегда противоречат требованиям официальной законности. Как пишет М. Ван Хук, «очень часто люди воздерживаются от преступления отнюдь не потому, что это запрещено законом, или они боятся наказания, а потому, что они не видят в этом преступлении пользы для себя (например, в захвате самолета), или потому, что совершить его слишком трудно (например, создать международную сеть фиктивных компаний для налогового мошенничества). Многие люди не будут совершать большинство преступлений даже

¹⁵ Фуко М. Воля к знанию. С. 110–111, 243–251.

¹⁶ Цит. по: Зимовец Р. В. Дискуссия Фуко/Хабермас: вопросы теории власти // www.scorcher.ru/neuro/neuro_sys/authority/authority1.php (2011. 6 авг.).

¹⁷ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1999 (www.i-text.narod.ru/lib/levinas/levinas_vremya_i_drugoi.htm (2011. 17 нояб.)).

без юридического запрета и нравственных причин, только из-за бытовых обстоятельств. Даже если кто-то поставит себе целью нарушить все существующие правовые запреты, ему вряд ли хватит на это жизни. В конечном счете, ему придется смириться хотя бы с некоторыми правилами, хотя и не следуя им сознательно».¹⁸

Относительная независимость тенденций развития правовой жизни от государственной власти полагается М. Ван Хуком в качестве условия деятельности ряда современных межгосударственных объединений и союзов. Так, анализируя состояние правовых систем стран Евросоюза, М. Ван Хук отмечает, что современные национальные государства не могут полностью определять правовую жизнь Европы. Но также верно то, что юрисдикцию Евросоюза тоже нельзя считать верховенствующей, так как его власть ограничена, а Европа по факту пока не представляет собой единого государства. М. Ван Хук констатирует, что современные государства зачастую не создают право и не могут его полностью контролировать.¹⁹ Все чаще в глобализирующейся правовой жизни за властью закрепляется способность устанавливать соглашения, конструировать систему мер сохранения социальной стабильности, а негативная функция подчинения или влияния субъекта власти на кого-либо или что-либо в обществе нивелируется.

Факты юридически неформальной власти все чаще обнаруживаются в самой сфере внутреннего государственного регулирования. Можно утверждать, что чем разнообразнее становится правовая жизнь, чем больше людей осознают себя в качестве правового субъекта, тем регулярнее такие факты будут проявлять себя. Так, во Франции создана система «независимых административных авторитетов». Этот новый неюридический институт, выступающий исключительно в качестве функционального элемента, помогает контролировать работу публичных учреждений национальной системы высшего образования (Национальный комитет по оценке), регулировать телекоммуникации. В своей деятельности «независимые административные авторитеты» фактически берут на себя юридические полномочия, что позволяет им не только создавать нормы, но и в отдельных случаях изменять уже существующие предписания властей.

Предложенных выше аргументов, кажется, вполне достаточно для признания допущения того, что пространство власти не ограничивается плоскостью «государство — право — власть — объект подчинения (или контроля)». Оно включает в себя элементы, которые ранее не учитывались классическими теориями власти: ценности и убеждения, дисциплину, знание, игру, самотождественного субъекта (Э. Левинас).

Промежуточным результатом исследования следует считать и допущение о том, что государство и власть могут быть феноменологически исключены из правовой жизни — это позволяет представить ее саму по себе, в виде исходных предельных данностей, например, в виде простой констатации «право есть право». При таком раскладе правовая жизнь оказывается непосредственно независимой от власти, а ее нормативность перестает быть производной лишь от функций государства.

Еще одно допущение может быть выражено с помощью известного афоризма М. Фуко «*Le pouvoir, ca n'existe pas*» («Власть не существует»).

¹⁸ Хук М. Ван. Право как коммуникация // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. С. 408–409.

¹⁹ Там же. С. 400–401.

Другими словами, поскольку власть не имеет собственного предмета, она неуловима, диффузна, нелокализуема. Поэтому необходимо прекратить бессмысленное вопрошание «Что есть власть?» в пользу исследования того, как она исполняется, воплощается, инвестируется.²⁰

С целью развития сформулированных выше допущений рассмотрим многообразие проявлений власти в правовой жизни в двух автономных измерениях: смысловом и телесном. Если смысловое измерение определяет направленность восприятия власти в правовой жизни и задает его содержание, то телесное измерение отвечает за ее «физическую» или символическую явленность. Перефразируя мысль М. Хайдеггера, можно утверждать, что значение телесного измерения состоит в том, что оно проводит вот-бытие власти к ее открытости и позволяет ее предметному смыслу вот-здесь-быть.²¹ А смысловое измерение возникает из неизбежной заботы о постоянстве и рефлексивных состояниях, которые сами, в свою очередь, возможны лишь как временность.²²

В контексте смыслового измерения формы власти объективируются, проходя процесс установления различных социальных позиций или, что то же самое, порождения социально значимых ориентиров. Н. Луман утверждал, что феноменологический смысл можно описать как избыток отнесеней предмета с самим с собой и с другими предметами, на основании которого можно установить «условия собственных возможностей, собственных способностей чего-то достигнуть и их границы в мире».²³ Смысл чего-либо обнаруживается, если в результате сравнения предметов устанавливается, что различий между ними существенно больше, чем прежде. Поэтому необходимо всякий раз ставить вопрос об актуальности привычных представлений и возобновлении поиска специфических особенностей предмета с учетом их изменившихся состояний.

Только смысловое измерение позволяет представить, хотя бы на теоретическом уровне, правовую жизнь вне власти и власть вне правовой жизни, отказаться от представлений о власти как объективном явлении в пользу признания ее объективированности, производности от процесса конституирования социально значимых смыслов. Данный тезис влечет за собой предположение о том, что она, по-видимому, не входит в «первый состав» оснований правовой онтологии, а является результатом процесса рационализации, «выпрямления» онтической практики правового субъекта. Поэтому значение власти состоит не столько в подчиняющем воздействии на правовую жизнь, сколько в том, что она оказывается «катализатором» порождения социально значимых смыслов и одновременно механизмом их рационального освоения, включения в конкретные правовые действия.

Следует согласиться с мыслью М. Фуко о том, что исходное условие бытия власти — знание. Вернее, знание избыточное, превышающее содержание и объем повседневных представлений. Оно сначала формирует предпосылки власти в виде первичных образов «авторитета», «божества»,

²⁰ Шабурова О. В. Концепт «тайна власти» и возможности ее прочтения // Социемы. 2001. Вып. 7. Екатеринбург, 2001 (www.csp.philos.usu.ru/usu/opencms/r/publications/sociemi/7/shaburova.html) (2011. 17 окт.).

²¹ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. Сб. докл. междунар. семинара, нояб. 1996 г., Минск / ред.: Т. В. Щитцова (отв. ред.), И. П. Логвинов. Минск, 1997. С. 190.

²² Хайдеггер М. О существе основания // Философия в поисках онтологии. Сб. трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 5. Самара, 1998. С. 126.

²³ Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 49.

«престижа», «репутации», «ценностных обязательств», а затем и в виде рациональных знаний о механизмах их закрепления, распространения и сакрализации. Осваивая знания духовно и практически, люди создают саму возможность господства над собой, признают необходимость управления для себя и над собой. Обоснование тезиса о рационализирующей функции власти представлено в концепции политической рациональности М. Фуко, направленной на исследование механизмов взаимодействия познающей власти и властвующего знания.

Оппонент М. Фуко Ю. Хабермас, комментируя эту концепцию, писал: «Скрытое таким образом происхождение понятия власти (оно берет начало от критически-метафизического понятия о стремлении к истине и знанию) объясняет и систематически двусмысленное употребление понятия "власть". Оно приобретает, с одной стороны, невинность дескриптивного понятия, применяется для описания и служит эмпирическому анализу технологии власти, который, с методической точки зрения, далеко не случайно различают с рациональной, исторически ориентированной социологии знания. С другой стороны, в тайне истории своего возникновения категория власти сохраняет смысл теоретического базового понятия, которым эмпирический анализ технологий власти задает конститутивное значение этого концепта в контексте критики разума, а генеалогическая историография гарантирует, что разоблачит тайны власти».²⁴ Как видим, полемизируя с М. Фуко по поводу методологии интерпретации проявлений власти, Ю. Хабермас соглашается с ним по существу. В частности, он разделяет точку зрения М. Фуко о том, что власть — это пустое понятие, не имеющее определенного денотата.

Действительно, власть конструируется, искусственно создается в процессе познания и формирования специализированных видов практик и дискурсов, направленных на максимально эффективное достижение целей субъектов власти. Правообладатели специализированных практик и дискурсов (или «специалисты») вкладывают в образы власти свои представления о преимуществе, успехе, масштабе притязаний. Ярким примером порождения нового смыслового комплекса субъекта власти можно считать эпизод, описанный в статье М. А. Краснова: «Когда готовился текст одного из публичных выступлений Президента России Б. Н. Ельцина, его первоначальный вариант включал слова о том, что государство должно быть *связано правом*. Вскоре от президента его помощникам пришел исправленный текст, в котором фраза была исправлена на "государство должно быть связано с правом". Нетрудно понять, что этот предлог "с" в корне изменял смысл определения. Но именно так (т. е. вместе с предлогом) многие и воспринимают правовое государство».²⁵ В данном примере власть обнаруживается в превращении привычного сочетания слов в событие-симулякр. Для этого событие-симулякр публично предъявляется как то, что не противоречит известным интерпретациям, но лишь дополняет их новыми смысловыми нюансами.

Такое смысловое «лавирование» гарантирует консенсус в возможных конфликтах. В индивидуальном восприятии подобные события-симулякры представляются в столь привлекательном виде, что легко «встраиваются» в структуру личности так, как будто бы они возникли и существуют только

²⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 284.

²⁵ Краснов М. А. Перспективы правового государства в России // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 58.

для нее. Следует подчеркнуть, что «специалисты» и созданные ими институты власти могут контролировать и корректировать поведение людей. Однако тотальное влияние на правовую жизнь ими никогда не достигается. Это связано с тем, что институциональные правила не учитывают интенциональную составляющую представлений людей, их предпочтения и намерения, ситуационные условия их повседневной коммуникации, глубинные пласты донаучных знаний.

Непосредственным объектом воздействия власти и «органом» первичного опыта переживания этого воздействия является тело человека. На необходимость учета «элементарной клеточки» жизненного мира — телесности человека впервые указал Э. Гуссерль. Доказывая, что феноменология духа обусловлена феноменологией тела, он писал: «Тогда среди тел, охваченных этой природой в моей собственной сфере, я нахожу живое тело, выделенное в своей уникальности, как то единственное среди них, которое есть не просто тело, но именно мое живое тело, выделенное в своей уникальности, как то единственное среди них, но именно мое живое тело, единственный объект в пределах абстрагированного мной мирового слоя, которому я, сообразуясь с опытом, приписываю поля ощущения».²⁶

Существенное познавательное значение имеет введенное Э. Гуссерлем понятие телесного сознания, обозначающее одно из проявлений мыслительной деятельности, отвечающее за чувственные впечатления и телесные движения, которое, последовательно развертываясь в пространстве и времени, оказывается процессом самоконституирования живого тела. Телесное сознание реализуется как опыт в его пространственно-временном измерении, оно всегда ситуативное. Благодаря ему мир воспринимается актуально, здесь и сейчас. Кроме того, телесное сознание не только организует само себя, но и само на себя ссылается, строится через отношение самореферентности. Оно не просто черпает информацию из внешней реальности, но и создает новые связи внутри самого себя, а также связи себя со средой, одновременно отделяющие его от среды и встраивающие в нее.²⁷

Телесное сознание задает каналы и нормы восприятия, на основе которых происходит чувственная категоризация действительности, осуществляются базовые смыслообразующие операции, складываются матрицы мышления. Думается, что именно на этой схеме развертывания телесного сознания строится теория интуитивного права Л. И. Петражицкого, которая позволяет обратиться к анализу проявлений власти в правовой жизни в телесном измерении. Источник этих проявлений, по мнению Л. И. Петражицкого, лежит в особенностях восприятия принудительности правовых норм. Поскольку правовая жизнь представлена актуальными переживаниями повседневных коллизий и определяется индивидуальными условиями, обстоятельствами жизни каждого человека, то специфика норм, имеющих вес для правовой жизни, состоит в том, что «интуитивные нормы, сообразно ассоциативной связанности подлежащих эмоций с представлением известного поведения как такового, или с представлением известных релевантных фактов как таковых, вне зависимости от чьих-либо велений, местных и временных человеческих обычаев и т. д., представляются, в отличие от позитивных, имеющих условное значение норм, как истинные,

²⁶ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 194.

²⁷ Телесность как эпистемологический феномен / отв. ред. И. А. Бескова М., 2009. С. 41.

правильное само по себе».²⁸ Нормативность правовой жизни переживается эмоционально как чувство долга перед другими людьми или как ощущение права требовать выполнения обязанностей со стороны других. Поэтому «пережитые» правовые нормы имеют свойство не только воздействовать на разные уровни правосознания субъекта, но и регулировать его кинетические действия. Следовательно, правовые переживания — это исходные данности, образующие ткань правовой жизни. На их основе формируются правовые ценности и нормы, и они, в свою очередь, являются каналами властного воздействия на тело человека через механизмы наказания и поощрения, посредством селекции официально поощряемых представлений и мнений, интересов и стимулов.

В связи с этим неслучайна категоричность М. Фуко и его последователей в толковании власти (даже если власть реализуется в виде знания) как экономического инструмента воздействия на тело с его телесными функциями, физиологическими процессами, ощущениями и удовольствиями. Ответ на вопрос о том, как происходит такое воздействие, достаточно полно представлен в работе А. С. Азаренко «Сообщество тела». В частности, автор исходит из того, что тело человека — «это не просто физическое тело, но и тело, наделенное определенными навыками и умениями, которые он получает от социальности. По мере социализации, все полученное от общества настолько прорастает в него, что все движения человека представляются “естественными”, едва ли не данными от природы».²⁹ Процесс социализации, если его рассматривать схематично, может быть представлен как последовательное освоение жизненно важных ресурсов — социальных практик и социальных позиций. Однако, как справедливо отмечает А. С. Азаренко, в практике достаточно силен элемент неопределенности и открытости. Человек ограничен в освоении практикой и вынужден включать свое тело в те или иные устоявшиеся схемы действий (*habitus*).³⁰ Поэтому власть, воздействуя на тело или инвестируя его жизненные силы, распространяет вектор контроля на практические схемы и на практику в целом.

Точно так же овладение той или иной социальной позицией чаще всего оказывается не под силу отдельному человеку, любое перемещение в пространстве позиционирования всегда предполагает перераспределение ресурсов. Итог соревнования между претендентами за новые социальные позиции предполагает наличие у одного из них решающего аргумента — «механизма запуска позиции»³¹ в виде технологии достижения поставленной цели. Именно технологии связаны с телесностью как объектом и средством их реализации. Воздействие на тело оказывается прямым и эффективным способом подчинения технологии, а затем и узурпации определенной социальной позиции, что, собственно, и составляет содержание власти. Итак, тело является первичным объектом властного воздействия, так как тело инкорпорировано в устройство общества, в частности, в процессы социализации, позиционирования и социальные практики.

В курсе лекций М. Фуко «Безопасность, территория, население» анализируются механизмы влияния власти на население,³² в частности

²⁸ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 385.

²⁹ Азаренко А. С. Сообщество тела. М., 2007. С. 55.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ Там же. С. 54.

³² «Население понимается теперь не как собрание субъектов права и не как совокупность рабочих рук; оно анализируется как совокупность элементов, которые...

на опыт его правовой жизни. Основываясь на генеалогическом методе, философ выделяет три этапа в развитии власти: правовой, дисциплинарный и этап безопасности. Каждому этапу соответствуют свои механизмы влияния на правовую жизнь. Так, с эпохи Средневековья и до XVII–XVIII вв. действует архаический аппарат уголовного права, основанный на системе кода законности с бинарным разбиением на дозволенное и запрещенное. С XVIII в. складывается «новоевропейская» власть (биовласть) с механизмом дисциплинирования и процедурами надзора и исправления. В процессе становления, по мнению Фуко, находится «современная» власть, или власть-знание. Предметом ее интереса становится сам персонаж виновного, к которому применяются детективные, медицинские и психологические техники, обеспечивающие процедуры контроля, диагностики и возможной «обработки» индивидов.³³

Исторические типы власти не исчезают вместе с эпохой их породивших, а продолжают существовать, влияя друг на друга. Как пишет М. Фуко, «у вас нет механизмов безопасности, замещающих дисциплинарные механизмы, которые, в свою очередь, заменяли бы собой механизмы правовой законности. В сущности, перед вами ряд сложных систем, где с переходом от предыдущей к последующей трансформируются, совершенствуются, во всяком случае усложняются, разумеется, и сами техники как таковые, но главное — претерпевает метаморфозу доминанта или, точнее, структура корреляции между механизмами правовой законности, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности. Иначе говоря, вы получаете историю, которая является именно историей техник».³⁴ По мере того как власть искала баланс между ценой борьбы с преступностью и ценой ущерба, наносимого преступлениями, наблюдался рост случаев злоупотребления дисциплинарными техниками. Именно поэтому современная эпоха характеризуется угрозой массовых социальных бунтов и необходимостью комплексного решения вопросов безопасности.

Таким образом, на уровне «тела» непосредственно проявляется контролирующая функция власти в отношении правовой жизни. В частности, ее влияние реализуется в правомочии органов власти определять местоположение субъекта права в пространстве и времени. Его телесность поступает в распоряжение различными способами: через институты гражданства, прописки, регистрации, миграции, эмиграции и т. д. Кроме того, власть, например в лице государства, давно и надежно закрепила за собой право нормировать представления о времени и последовательности протекания событий. Это дает возможность «непосредственно коснуться ощущений личности, дать ей почувствовать значимость или ничтожность своих прав, ощутить свое право, добиваться его в установленных параметрах, либо же, наоборот, осознать необходимость исполнения своих обязанностей в определенные сроки. Временные сроки позволяют оценить уровень социальной жизни общества — длительность отпусков, выходных, рабочих, праздничных дней; длительность различных правовых состояний, дающих право на определенные льготы; справедливость, гуманизм права и закона».³⁵ Таким образом, власть может «владеть» двигательной

присоединяются к общему режиму существования живых существ» (Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 472).

³³ Там же. С. 19–20.

³⁴ Там же. С. 22.

³⁵ Тенилова Т. Л. Временные характеристики в сфере правосознания // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2005. № 4. С. 39.

активностью субъекта права, воздействуя на его внутренние представления о пространстве и времени. Как следствие, в сознании субъекта права может возникнуть представление о законе как некоем пределе, границе — можно либо считать себя с ней, либо стремиться преодолеть ее. При этом мотивом такого преодоления может быть не только преступная склонность, но и интерес к познанию того, что лежит за установленным пределом.

Как уже отмечалось выше, исходной данностью всех форм социальной жизни, в том числе и правовой жизни, является то, что отдельное тело всегда стремится занять позицию по отношению к другим. Суть этих «телодвижений» состоит в том, что «когда я внимаю другим телам, то не я, а они инвестируют меня, и я вижу, как в пространстве вырисовывается фигура, собирающая все возможности моего тела, как если бы речь шла о моих жестах и моем поведении». ³⁶ В результате непосредственного взаимодействия между телами накапливаются противоречия, поэтому со стороны общества власти делегируются полномочия фиксировать различия позиций и структурировать их в социальном пространстве посредством символических систем. Это утверждение дает основание утверждать, что власть изначально символическа и поэтому может быть определена как символическая власть.

Так, Н. Луман не ставит перед понятием власти предикат «символическая», полагая, вероятно, что это уточнение излишне, так как именно в этой характеристике и состоит ее суть. В своей работе «Власть» он пишет: «Именно поэтому власть может быть понята только как символически генерализированное коммуникативное средство. Посредством абстрагирования в направлении символически контролируемых селективных связей достигается то, что власть перестает рассматриваться как зависимая лишь от непосредственно осуществляемого воздействия власть имущего на того, кто этой власти подчинен. В центре внимания оказывается коммуникация вообще, т. е. то, что подданный любыми обходными путями, так или иначе, знает о селективности (а не только о существовании!) прошлых или будущих властных действий руководителей». ³⁷

Итак, под символической властью следует понимать право различных социальных институтов структурировать и определять значения, выступающие в форме взаимосогласованных типических представлений о жизненном мире. Ее «питательная среда» — это социальная неопределенность, которая характеризует как данности жизненного мира, так и особенности их восприятия социальными субъектами. Действительно, эта неопределенность в связке с неопределенным (категориально неопределяемым), примитивным характером схем его восприятия и оценивания образуют архимедову точку опоры для развертывания разного рода идеологических «сражений». Тот, кто оказывается способным осуществлять в явном виде, публиковать то, что таилось в глубинах коллективного бессознательного, обретает реальную власть образовывать социальные группы, формировать общественное умонастроение. Работа по выработке категорий создает канву обыденного существования, закрепляя различие ощущений социального мира и соответствующих им позиций при помощи публичных заявлений, критики и т. п.

Поддержанию устойчивости власти служит смысловая схема или, по Н. Луману, двойной код «законное/незаконное». При этом кодирование

³⁶ Азаренко А. С. Сообщество тела. С. 37.

³⁷ Луман Н. Власть. М., 2001. С. 25.

выполняет «двойную функцию». С одной стороны, оно служит для очерчивания проблемы невыполнения ожиданий, с другой — необходимо для контроля постоянных внутренних отношений системы, т. е. для «актуализации ее памяти». Как следствие, символическая функция власти реализуется в том, что создает историю правовой жизни, исходя из определенной интерпретации кода «законное/незаконное».

Символическая власть может трактоваться и буквально, а именно как система правовых символов, реализуемая в практике правоприменения. Заметим, что символ в праве — не просто знак или условное обозначение, а замена предмета или действия подобным знаковым выражением. Правовой символ служит критерием выделения в пространстве правовой жизни юридических (системных) и неюридических (несистемных) элементов. В частности, «рукобיתие» как символ ритуального действия означает добрую волю, согласие на заключение сделки. Согласие же в праве — одно из условий действительного договора.³⁸ Собственно сама правовая норма может быть определена как знак (символ) государственной власти. Как пишет И. А. Исаев, «будучи символом власти (даже в сфере частноправовых отношений), правовая норма своей структурой демонстрирует подобную обусловленность. Наиболее показательной и демонстративной ее составляющей является санкция, в которой силовой и политический элемент особенно рельефно выделен. Гипотеза, порожденная казуистической традицией и наиболее тесно связанная с реальными нуждами повседневной жизни, символически выражает течение самой жизни. Наконец, диспозиция по своему стилю и форме больше всего склонна к декларативности и формулированию общих идей, заключенных в норме».³⁹

Символическая власть регулирует правовую жизнь посредством различных знаковых систем. Как писал Н. Луман, в простых обществах в ситуациях выбора между «да» и «нет» достаточно языка, поскольку последний как раз и предназначен для удостоверения само собой разумеющихся, естественных оснований выбора. В развитых обществах требуются более сложные символически генерализированные коммуникативные средства, которые обуславливают и регулируют мотивацию принятия селективных предложений.⁴⁰ Власть при этом оказывается тем более эффективной, чем более она способна предоставлять альтернативы привычных действий.

Информационные технологии — это наиболее яркий пример новых символически генерализированных коммуникативных средств, которые усиливают «искусственную» рациональность современной правовой жизни. Симуляции «прорастают» в нее по мере того, как современное общество превращается в общество электронных и экранных технологий. В результате меняется вся «оптика» власти (М. Фуко). Напрямую, в последнее десятилетие в соответствии с программой ООН в правовую жизнь внедряется концепция «электронного правительства». Оно должно обладать всеми атрибутами публичной власти, реализуемыми в мировом информационном пространстве. Наиболее жизнеспособной среди обсуждаемых в связи с этим идей представляется идея сетевого права. Специфика сетевого права состоит в «комплексной автоматизации некоторых правотворческих и правоприменительных процессов на основе сопряжения права и сетевых

³⁸ Мамонтов В. В. Символизм в средневековом праве как первоначальный этап формирования права // История государства и права. 2003. № 2. С. 16.

³⁹ Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 8.

⁴⁰ Луман Н. Власть. С. 14.

технологий и использования механизма обратной связи для управления средстами права в реальном времени».⁴¹

Однако используемые технологии выполняют только одну из функций сетевого права. Другие же его возможности пока находятся в состоянии проектного описания. В частности, предполагается, что сетевое право создаст систему коммуникации в праве, которая способна будет решить основную проблему современного дистрибутивного права и ответить на вопрос о том, «каким образом административная система вообще может быть запрограммирована посредством тех законов и политических целевых установок, которые проистекают из процессов спонтанного, ненаправляемого формирования общественного мнения и воли, т. е. приводят извне».⁴²

Другими словами, электронная инфраструктура горизонтальных и вертикальных спонтанных контактов субъектов права, а также информационная сеть могут стать техническими условиями обмена различными точками зрения на основе интересубъективной рефлексии и активного смыслообразования. Это, собственно, совпадает с целью демократических процедур правового государства — «институализировать коммуникативные формы, необходимые для разумного формирования воли».⁴³ Представляется, что проект «электронного правительства» должен задействовать такие способности субъекта права, как интенциональность, интересубъективность, способность к суждениям и признанию правовых ценностей. Кроме того, сетевое право, по-видимому, увеличит значение альтернативных (по отношению к государственному законодательству) источников права, приспособленных к быстрому и гибкому реагированию на изменение состояния правовых реалий. К таким источникам права, например, относятся судебный прецедент, правовой обычай, деловые обыкновения, модельное законодательство, договорное право.

Обобщая различные теоретические представления о власти, а также примеры ее «таинственных», неоднозначных проявлений, можно говорить об отсутствии определенной сущности и структуры власти. Она существует либо как концепт, выражающий способность к преобразованию, либо как действие, реализующее эту способность. Правовая жизнь аутопойетична, обладает собственным механизмом социального регулирования и поэтому сама по себе не нуждается во властном воздействии. Власть как символически генерализованная система коммуникации актуализируется в ситуациях, когда для достижения целей социальных акторов традиционных средств социального регулирования становится недостаточно, и требуются более изощренные способы дисциплинирования интенций и действий людей. Именно тогда власть проникает в правовую жизнь через практически нерелексиремые каналы: телесные и коммуникативные практики, язык и символические системы, а в последнее время и через информационные технологии.

⁴¹ *Голоскоков Л. В.* О переходе к сетевой парадигме права // Государство и право. 2005. № 10. С. 114.

⁴² *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 69.

⁴³ Там же. С. 71.